

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ...



... Никогда еще не писала воспоминаний. Читать — читала, а вот пишу — впервые!..

Знакомство началось с его стихов, уже в пединституте. В кабинете литературы был стенд с фотографиями писателей и поэтов-земляков. Естественно, своей оригинальной внешностью выделялся Коротасев. Я с удовольствием читала его новые стихи — чаще всего они публиковались в «Вологодском комсомольце». В редакции этой газеты впервые увидела поэта «живьем», когда заглянула в гости к знакомому корреспонденту. Было лето, и Коротасев буквально ввалился в кабинет — шумный, веселый, в распахнутой рубашке... Шёл, если не ошибаюсь, 1972 год.

Наша вторая встреча состоялась лет через десять, когда я переехала на жительство в Вологду и стала посещать литературное объединение «Рифма» при «Вологодском комсомольце», которым стал руководить Виктор Вениаминович.

Вначале я сидела в сторонке, присматривалась. Многих (хотя и начинающих) авторов поэт знал лично, с мужчинами здоровался за руку, вел какие-то только им понятные беседы, а женщины такой чести почти не удостоивались.

Принцип работы литобъединения был прост: рискнувший подвергнуть разгрому (реже — одобрению) свои творения представлял рукопись в нескольких экземплярах. Наш староста Вячеслав Белков, известный уже как исследователь творчества Николая Рубцова, передавал «кружковцам» рукопись для чтения, а затем начиналось самое «страшное».

Высказывались все, кто читал. Получалось так, что я знакомилась с каждой рукописью (предусмотрительный староста не обходил вниманием мою скромную персону), и приходилось хотя бы несколько слов сказать на каждом нашем собрании. Догадываюсь, какую я иногда говорила чушь, но Коротаяев никогда не позволял себе возражать выступающим, а в заключительном своем слове давал нам понять, где мы были неправы.

В конце концов дошла очередь и до меня... Разгромили тогда, помню, основательно. И Виктор Вениаминович был довольно прямолинейен в своих оценках. Конечно, я знала, что пишу не очень хорошо, но что так плохо!..

Шла домой и думала: «Не буду больше писать!» Но тут же вспоминались слова Коротаяева: «Да хорошие у тебя стихи!».

— Так почему же Вы так много их критиковали?

— А я хочу, чтобы ты еще лучше писала!

Позже я поняла, насколько он был прав! Есть у меня стихотворение «Ты не пришел и даже не звонил...». Очень удачной казалась мне строчка: «Ночь, будто склянка пролитых чернил».

«Пролитых — это уже не склянка», — заметил Коротаяев... Так появилось: «Ночь, будто склянка, полная чернил». В стихотворении «Вот опять знакомая река...» последняя строфа начиналась так: «Целый час на пристани стою...». «Ты же прощасься с любовью, не дождавшись катера, а замечашь, сколько времени это продолжается, — приговор Коротаяева. — Разве в такие мгновения думают о времени?»

«Сколько ж я на пристани стою?...» — после замечания Виктора Вениаминовича.

И таких примеров можно привести множество. Он учил нас видеть огрехи в своих стихах, а это несравненно сложнее, чем анализировать стихи других. Ненавидел отступления от норм русского языка, безграмотным в этом плане авторам советовал учиться, больше читать. Прозаикам тоже доставалось, но я тогда в тонкостях прозы не была сильна, поэтому примеров привести не могу.

«Рифма» была лично для меня отдушиной, где я могла пообщаться с единомышленниками, выслушать непредвзятое мнение о некоторых стихах еще до их обсуждения, познакомиться с новыми людьми. Достаточно сказать, что именно на литобъединении я встретила своих бывших «собратьев» по пединституту, но теперь уже в новом «качестве» — прозаиков и поэтов. Это А. Цыганов, В. Белков, А. Драчев, М. Карачев — теперь уже признанные авторы.

Вне литобъединения мы встречались только случайно, на улице. Коротаяев всегда радостно и шумно приветствовал, целовал руку, а прохожие, узнававшие поэта, с любопытством смотрели, кто это удостоился столь изысканного приветствия...

Единственный раз мы общались дольше, когда в середине 80-х годов ездили в гости к череповецким авторам. Хорошо помню, что это было в понедельник, после Пасхи. Мы собирались у бокового входа в здание бывшего обкома партии на ул. Пушкинской. Маститые авторы появляться не торопились... Коротасев прибежал одним из последних, бросил портфель на ступеньки и со словами: «Надя, присмотри, а то украдут, не вспомнишь, что и написал», — скрылся за дверью.

До Череповца мы сходили около пяти часов — с остановками, задушевными разговорами... В автобусе мы с Ларисой Мокшевой сидели позади Виктора Вениаминовича, и он всю дорогу рассказывал о тех писателях и поэтах, которых уже нет в живых. Запомнился его рассказ об Александре Яшине, о его любви к Веронике Тушновой, о ее смерти, об уходе из жизни самого Александра Яковлевича. Для меня эти детали были откровением, ведь такого не было в воспоминаниях о Яшине, а если и было, то затерялось в потоке иной информации...

Как-то я подумала, что вижу Коротасева часто, а у меня до сих пор нет его автографа. Прихватила на одно из литобъединений сборник его стихов и после заседания подошла.

— Наконц-то Надя Шилова собралась взять у меня автограф, — резюмировал наш руководитель и написал пожелание, которое теперь, по прошествии почти двадцати лет, кажется мне глубоко символичным: «Милой Наде Шиловой на добро и будущую Работу. Нежно — Коротасев. 27.12.1983».

1996 год. Я шла с автобуса на работу, а он торопился в «Белый дом». Тогда Виктор Вениаминович руководил газетой «Русский огонек». Пожаловался, что нечем платить зарплату и поэтому он спешит на прием к губернатору. «Стихи приноси!» — сказал он. «Да не пишутся что-то стихи», — ответила я. «Прозу пиши!» — уже на бегу бросил Коротасев.

Это была наша последняя встреча!..

*Надежда Шилова
Апрель 2002 года*